

—

III.

Два экзаменационных листа, которые ученики выставили перед собой в качестве ширмы, разом упали. В следующее мгновение парни вскочили со своих мест, не в силах скрыть растерянность и испуг.

Мисс Чжан мазнула взглядом по их тестам, валяющимся на партах, и от увиденного разозлилась еще сильнее. Она несколько раз с силой ударила указкой:

— У вас хватает совести спать?! Я объясняла этот материал десятки раз, и вы умудрились потерять здесь баллы? Какие же вы молодцы! А теперь... живо марш в конец класса.

— О-о... — те двое с кислыми минами тут же покинули свои места и поплелись в конец кабинета.

При виде этого холодная усмешка на лице мисс Чжан стала еще отчетливее.

Она дождалась, пока они прислонятся спинами к задней стене, и только тогда продолжила:

— Ха-ха, а вы двое действительно интересные личности! Просто взяли и ушли? Экзаменационные листы не взяли, ручки не взяли... Вы что, больше не собираетесь слушать урок? Думаете, я отправляю вас туда развлекаться?

— Ха-ха-ха! — стоило ей это произнести, как какая-то фраза задела учеников за живое, и все наперебой начали оборачиваться, чтобы поглазеть на зрелище.

«Черт».

Только в этот момент парни поняли, в чем дело. Они пулей метнулись обратно к партам за ручками и тестами, их лица горели от смущения, а сонливость как рукой сняло.

Однако гнев мисс Чжан на этом явно не утих.

Она указала на тех, кто смеялся громче всех:

— Вы так весело смеетесь! Неужели все мои объяснения усвоили на сто процентов? Или вы, как Гу Сьюань, набрали 149 баллов?

Ученики тут же прикусили языки и замолчали.

149 баллов — это за гранью возможного, даже если заново родиться.

Се Цинсяо не смеялся, но украдкой взглянул на тест соседа. В душе он почувствовал невольное восхищение. Сам он набрал 142 балла — результат достойный, но до Гу Сьюаня было далеко. Главное, что Гу Сьюань демонстрировал поразительную стабильность: независимо от сложности заданий, его результат всегда был одинаково высоким.

Сам же Гу Сьюань, казалось, вовсе не слышал этих похвал — его лицо оставалось бесстрастным.

Мисс Чжан посмотрела в сторону Шэнь Тина и Хуан Чэна:

— А вы двое, смотрю, смеетесь радостнее всех. Неужели думали, я не заметила, что вы тоже тайно спали в начале урока? Бегать играть в баскетбол вместо обеденного сна — это очень весело, не так ли?

Шэнь Тин и Хуан Чэн, проклиная свое невезение, были вынуждены встать.

Мисс Чжан продолжала:

— Уже третий класс старшей школы, а ведете себя как несмышленные дети. Особенно ты, Шэнь Тин. У тебя отличная база по всем предметам, но отношение к учебе никуда не годится. Проверая твою работу, я заметила, что ты допустил несколько ошибок там, где просто обязан был ответить верно.

В глазах учителей в каждом классе всегда есть пара-тройка учеников, которые явно одарены умом, но категорически не желают прикладывать усилия.

— Вы четверо... После уроков перепишите каждую ошибку из теста по 20 раз. До конца учебного дня сдадите Линь Лин, а она принесет их ко мне в кабинет. Пока не сдадите — домой не пойдете, — мисс Чжан не хотела больше тратить время на нотации и добавила: — Линь Лин, не забудь проследить.

Линь Лин, староста по английскому языку, тут же отозвалась:

— Хорошо.

— Слушаемся, — неохотно ответили четверо провинившихся.

Мисс Чжан вернулась к разбору заданий, продолжая размеренно прохаживаться по классу. Время утекало в череду повторяющихся уроков и перемен.

До конца последнего урока Гу Сьюань и Се Цинсяо не обменялись ни единым словом. Это было вполне естественно — оба они не отличались многословностью.

Когда прозвенел звонок с третьего урока, Линь Лин встала и подошла к четверке «штрафников».

Она в шутку заметила:

— Ну что, господа хорошие, вы уже закончили переписывать? Я не горю желанием оставаться в школе после последнего урока только ради того, чтобы ждать ваши работы.

— Боже мой, спасите! Еще и переписывание! Я совсем забыл об этом сразу после английского... А ты написал?

— Конечно написал, кто захочет здесь задерживаться после школы!

— Сволочь, почему не напомнил мне раньше...

В классе поднялась небольшая суматоха. Это была привычная сцена — каждый раз перед сдачей работ разыгрывалась подобная драма. И хотя в этот раз участников было всего четверо, они сумели устроить целое представление.

— Шэнь Тин, ты ведь наверняка еще и не начинал? — в этот момент Хуан Чэн обернулся к другу с плохо скрываемым ехидством.

Шэнь Тин закатил глаза и холодно усмехнулся:

— Видимо, ты уже закончил.

Хуан Чэн гордо выпятил грудь:

— А как же! Пока учитель химии разбирал тесты, я под партой все втихаря переписал. Вот так поступают «хорошие ученики», понимаешь?

Слыша это, Шэнь Тин и Лу Цзяян невольно расхохотались:

— Хороший ученик! Ну и «хороший» же ты ученик!

Учитель химии был пожилым, опытным педагогом, который прекрасно вел уроки. Но, возможно, из-за возраста у него уже не было сил и желания ежедневно вступать в битвы умов с молодежью. Поэтому он всегда требовал от учеников сознательности: на уроках он практически не следил за дисциплиной, рассуждая так — вы платите за учебу, и если не слушаете, то вредите только сами себе.

Линь Лин, собиравшая работы, с некоторым раздражением посмотрела на смеющегося Шэнь Тина:

— Эй, тебе еще смешно? Ты вообще собираешься сдавать работу?

Шэнь Тин пролистал свой тест и обнаружил, что ошибок действительно немало. Переписать каждую по двадцать раз... От одной мысли об этом начинала болеть голова.

Он пренебрежительно махнул рукой и сказал:

— Не успею дописать.

Линь Лин было нечего на это возразить. Помолчав мгновение, она спокойно сказала:

— Ладно. В таком случае завтра я так и скажу мисс Чжан: Шэнь Тин заявил, что не будет ничего переписывать и сдавать.

Ее тон был резким — Линь Лин явно была недовольна, а это состояние «точки кипения» знакомо любому старосте.

Се Цинсяо сидел на четвертом ряду, и от места Шэнь Тина его отделял только ряд Хуан Чэна. Естественно, он отчетливо слышал весь их разговор.

Видя, что ситуация накаляется, он поспешно повернулся к Шэнь Тину и примирительно, с заботой в голосе, произнес:

— Шэнь Тин, давай сюда свой тест. Я помогу тебе всё переписать.

Стоило ему договорить, как сосед Хуан Чэна, Чэнь Цзюнь, тут же весело подхватил:

— Везет же тем, у кого есть пара! Особенно когда это такой отличник — за тебя даже домашку сделают.

Он не понижал голоса, так что все сидящие рядом всё прекрасно слышали и тихонько рассмеялись. Жизнь в старшей школе по большей части скучна, и такого пустяка было достаточно, чтобы развеселить ребят; в этом смехе не было злого умысла.

За кончиками ушей Се Цинсяо проступил нежно-розовый оттенок, но в его прекрасных глазах заискрилась улыбка — было очевидно, что он делает это с большой охотой.

— Не нужно, — в этот момент раздался предельно холодный мужской голос.

Шэнь Тин лениво откинулся на спинку стула и покачал головой, глядя на Се Цинсяо.

Затем он вскинул руку, по-дружески закинул ее на плечо своего соседа Лу Цзяяна и, улыбаясь тому во весь рот, произнес:

— Даже если и нужно будет писать, пусть этот парень за меня напишет.

— Тебе предлагают помощь, а ты не хочешь — обязательно нужно ко мне прицепиться, — Лу Цзяян недовольно сверкнул на него глазами.

— И что с того, что к тебе? — Шэнь Тин крепко приобнял его, притворяясь свирепым.

— Ха-ха, ладно, ладно... Я напишу за тебя, — хотя Лу Цзяян и ворчал, в его глазах светилась невольная нежная улыбка. Он привычным жестом повернулся и бесцеремонно вытянул из рюкзака друга тест и тетрадь.

Шэнь Тин был человеком с очень острым чувством личного пространства. Даже родителям или Хуан Чэну, с которым он был неразлучен, не позволялось просто так рыться в его вещах или трогать сумку. И Се Цинсяо, его номинальному парню, тоже не позволялось.

Всем, кроме Лу Цзяяна.

Чэнь Цзюнь, озадаченный увиденным, попытался сгладить углы:

— М-да... Нам всем стоит поучиться у Тин-гэ, как нужно жалеть своего омегу...

Договорив, он сам почувствовал, что сморозил что-то не то, и предпочел заткнуться.

Линь Лин тоже не понимала этих тонкостей «влюбленных», но раз Шэнь Тин сдаст работу — и ладно. Она развернулась и ушла на свое место.

Искрящаяся улыбка в глазах Се Цинсяо, казалось, была разом погашена ледяным порывом ветра. Он крепко вцепился пальцами в край сиденья, выпрямил спину до костей и медленно отвернулся.

— Ха... Хе...

Внезапно до его слуха долетел тихий, но предельно отчетливый смешок.

—